

ствующих употреблению названий на местах, не учитывающих специфики топонимической лексики и системных связей внутри региональной топонимической системы, в наличии технических ошибок в реестрах. Согласно определению термина нормализация наименования географического объекта, нормализованное наименование должно соответствовать правилам русской орфографии и орфографии других языков народов России, а также традициям употребления наименований географических объектов на указанных языках. Тем не менее, мы обнаруживаем случаи нарушения правил орфографии топонимов даже русскоязычного происхождения.

Дальнейший анализ трансформационных процессов в российской топонимии позволит выявить и размежевать естественное и искусственное в развитии топонимических систем для адекватного решения прикладных задач.

*И.И. Муллонен
(Петрозаводск)*

ОБ ОДНОЙ СУБСТРАТНОЙ ФИННО-УГОРСКОЙ ТОПОСНОВЕ В ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ*

Топонимы образуются и функционируют в рамках определенной системы, по моделям, образцам, которые продуктивны на данной территории в данное время. Мода на модель обусловлена целым рядом обстоятельств, в том числе уровнем общественного и экономического развития, ландшафтно-географическими особенностями территории, языковыми факторами и т. д. Понимание того, что конкретный акт номинации опосредован представлением носителя топонимической системы о том, каким должно быть название, какое содержание скрывается за конкретной топонимической основой, исключительно важно для этимологии. Обозначенная «вписываемость» в модель является важным критерием истинности топонимической этимологии. При этом наиболее убедительны результаты анализа тех субстратных топонимов, которые входят в семантическом отношении в число типовых, т. е. наиболее характерных, наиболее употребительных, реализующиеся в наибольшем количестве топонимов.

Исследования как по славянской, так и по финно-угорской топонимии доказали, что в число обязательных топонимических основ входят определения, характеризующие свойства объектов [Кабинина 2011: 163–192, Kiviniemi 1990: 150]. Они фиксируют отличительный дифференцирующий признак, выделяющий данный объект из серии однотипных. Сопоставление может идти по величине, по форме, цвету и др. При этом нередко содержание названия подтверждается географической характеристикой объекта.

В данной публикации предложена реконструкция одной субстратной основы с семантикой 'длинный', которая представлена в гидронимии По-

волжья и смежных территорий и имеет финно-угорские истоки. Идентификация по форме характерна, прежде всего, для озер. Судя по «Атласу Тверской области» километрового масштаба [Атлас 2005], на территории области насчитывается не менее десятка озер с названием *Долгое*. В прибалтийско-финской гидронимии присутствует типовая модель *Pitkäjärvi, Pitkjärv* 'Долгое озеро', которая воспринята в русское употребление как *Питкозеро, Питозеро, Пикозеро*, хотя чаще все-таки переводится: *Долгозеро* или *Долгое озеро*. В саамской топонимии идея 'длинный' выражается прилагательным *guhkki* (прасаам. *kukke) и его суффиксальным производным *guhkes*. В Белозерье и на смежных территориях Русского Севера и Карелии многочисленны озерные наименования *Кукозеро* и *Кукаозеро*, восходящие к языку саамского типа [Saarikivi 2006: 201–202]. В свою очередь, мордовское прилагательное *kuvaka* (эрзя), *kəvaka* (мокша) 'длинный' отразилось в целом ряде топонимов как на современной, так и бывшей территории проживания мордвы. Показательны, к примеру, названия водных объектов *Кувак, Кувакужска, Кувацкой, Кувековской, Кобака, Кобяка, Ковакса* и некоторые другие в бассейне реки Оки [Смолицкая 1976]. Относительно недавние исследования доказали родство саамской и мордовской лексем и позволили реконструировать в их основе древнюю финно-угорскую основу *kuwa 'длинный', которая сохранилась в прибалтийско-финском языковом мире как *kauka*- 'далеко', а в мордовском и саамском дополнена суффиксальным оформлением, *kuwa-kka [Aikio 2000]. Бибиальный *w* преобразовался в мордовском в *v* и в ряде случаев в ходе русской адаптации озвончился в *б*, в саамском же он со временем нивелировался.

Между северным (условно саамским), тянущимся от Белозерья на север, и южным (мордовским), представленным в Поочье, ареалами бытования топоосновы располагается русская в этноязыковом отношении территория с мощным финно-угорским пластом в топонимии. В этом контексте естественен поиск на ней следов искомой гидронимной основы, которая позволила бы соединить два полюса. Понятно, что в ходе взаимодействия финно-угорской и русской топосистем она во многих случаях подверглась переводу. В силу типологии контактных отношений наличие соответствующей модели в воспринимающей системе названий данной или смежной территории – принципиально важное условие переводимости топооснов. Если таковая имеется, усваиваемый топоним легко подстраивается под нее, занимая место в готовой ячейке. Если же модели не оказывается, то, даже несмотря на ясную семантику, возможности перевода ограничены [Муллонен 2002: 141–142]. В случае финно-угорской топоосновы *Kuwa-* / *Kuwakka* ее перевод (и, таким образом, переход топонима в разряд русских названий) не представлял сложности, поскольку наготове была соответствующая русская модельная основа *Долгий*. Надо полагать, что за некоторыми *Долгими озерами* Верхневолжья стоит финно-угорский оригинальный топоним.

Анализ гидронимного материала позволяет, тем не менее, реконструировать финно-угорскую основу в нескольких названиях. Среди них, прежде всего, *Кубенское озеро* на Волжско-Двинском водоразделе. Название Кубенского озера таит в себе много загадок. Первая из них связана с тем, что первично – название озера или вытекающей из него реки Кубены. Если исходить из современного облика названий, то придется признать первичность речного наименования по отношению к озерному. Это не означает, однако, что так было исторически. В топонимии северной России есть множество примеров обратной зависимости. Наши поиски истоков топоосновы убеждают в том, что и Кубенское озеро входило в их число, т. е. река названа по озеру. Даже на картах крупного масштаба отчетливо видна основная ландшафтная особенность озера – его значительная длина. При длине около 60 км ширина озера не превышает 15 км. Надо полагать, что именно эта особенность послужила некогда основой номинации, восходящей к финно-угорской основе *kuwa ‘длинный’. Бибибиальный *w* закономерно перешел в русской языковой практике в *б*. Со временем название озера закрепилось и за рекой Кубеной, дополнившись характерным русским речным суффиксом (ср. *Сухона, Шексна, Кубена*), а затем – уже в качестве речного наименования – вновь вернулось к озеру [см. подробнее Муллонен 2006].

Географическая характеристика послужила на этапе финно-угорской истории территории основой номинации озера *Кубыча*, расположенного в северо-западной части Тверской области в окрестностях Удомли. В названии узкого и вытянутого с севера на юг более чем на 10 км озера, видимо, закрепилось суффиксальное *kuwakka, претерпевшее определенные звуковые изменения в ходе многовековой жизни топонима. Впрочем, конечный элемент *-ча* (как и *-жа* в речном наименовании *Кобожя* – см. далее) может быть реминисценцией прафинского диминутивного суффикса [Rahkonen 2011: 238]. Эту же основу заманчиво восстанавливать в основе названия реки *Кобожя*, притока Мологи. Этимология А. Кузнецова (вепское ‘Пенистая река’), представленная и на ряде интернет-сайтов, искусственна как с позиций мотивов номинации, так и с точки зрения языковой подоплеки [Кузнецов 1999: 298]. Возведение к финно-угорскому источнику *kuwa(kka) тоже не однозначно, однако оно учитывает взаимозаменяемость *o ~ y* (ср. *Кувак* и *Кобака* на Оке), принципиальную возможность введения конечного *-жа* в один ряд с *-кка* и *-ча* в *Кубыча*. Мотивом же номинации, как и в предыдущих примерах, могла послужить форма озера – истока Кобожи. Река вытекает из озера Великое, отличительной особенностью которого, наряду с размером, является форма. В таком случае, в названии реки сохранилась память о сменившемся в ходе многовековой истории названии этого узкого и длинного озера.

В этом же ряду внимание привлекает озеро *Кубицкое* в Новгородской области, р. *Кувяка* и, возможно, р. *Кубань* в Костромской области, р. *Кубжа*

или *Кобжа* и р. *Кувякино* в Московской области и некоторые другие. Хотя идентификация по форме не является для названий рек типовой, определенное количество «долгих» рек встречается в топонимических системах разных языков и территорий, см., например, неоднократное р. *Долгуша* в каталоге Оки [Смолицкая 1976: 317].

Представленная топооснова входит в ряд других субстратных финно-угорских гидронимных основ, выявленных в топонимии Верхневолжья. Исследования по проблемам финно-угорского субстрата в Верхневолжье пополнились недавно книгой финского исследователя П. Рахконена, который, в отличие от предшественников, ограничившихся констатацией широких финно-угорских корней топонима, попытался атрибутировать этноязыковые истоки ряда древних гидронимов этой территории точнее. На основе качественно проведенного историко-фонетического анализа, а также с учетом ареальной характеристики [Rahkonen 2013] ему удалось вычленить ряд гидронимных основ мордовского типа, в том числе Вель- 'верхний' (р. *Велья*, *Вельга*, оз. *Вялье*) или Ин- 'большой' (р. *Инюха*, *Инопаш* и др.). С другой стороны, здесь же представлены собственно «чуждые» (в представлении П. Рахконена, язык чуди сближался, с одной стороны, с прибалтийско-финскими, с другой – с волжско-финскими языками) топоосновы и озерные форманты *-ер* (*Пудоро*, *Селигер*) и *-дра* (*Кезадра*, *Шабодра*, *Тишидра*). Я отметила бы также, что некоторые топоосновы, например, Ян- 'большой' в р. *Яна*, *Яноровка*, оз. *Яновище* в Тверской области, сближаются с прасамским языковым типом. Очевидно, финно-угорское топонимическое наследие реконструирует ситуацию языков, занимавших промежуточное положение между праволжскими и праприбалтийско-финскими языками. В их лексиконе существовала лексема *kuwa 'длинный', которая могла осложняться суффиксами. Судя по реконструкции, в фонетическом плане она сближалась с волжско-финскими языковыми данными. Вместе с другими субстратными топоосновами Верхневолжья и смежных территорий она демонстрирует реальное географическое единство финно-угорского мира в прошлом.

Библиографический список

- Атлас Тверской области. М.: АСТ-Пресс, 2005. – 286 с.
- Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. – 342 с.
- Кузнецов А. В. Топонимия Помостья (Очерки о древних и современных географических названиях) // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999.
- Муллонен И. И. Топонимические этюды Вологодской земли // Вепсы: история, культура, современность. Материалы научно-практической конференции 29 марта 2006 г. Вологда, 2006. С. 63–72.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – 356 с.
- Aikio Antte 2000 – Suomen kauka // Virittäjä 2000, № 4. S. 612–614.
- Kiviniemi Eero. Perustietoa paikannimistä. Helsinki, 1990.

Rahkonen Pauli. Finno-Ugrian hydronyms of the River Volkhov and Luga catchment areas // Journal de la Societe Finno-Ougrienne 93. Helsinki, 2011. P. 205–266.

Rahkonen Pauli. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä, 2013. – 246 с.

Saarikivi Janne. 2004 – Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. Helsinki 2004. P. 162–234.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ 14–04–00243 «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

П.Я.Мульдияров
(Москва)

ЭТНОНИМЫ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ЧУВАШИИ

Средневолжский регион, охватывающий территории ряда областей и республик, в I тысячелетии до н. э. и в первые четыре века н. э., т. е. 12 веков, служил контактной зоной между ираноязычными и финно-угорскими племенами; нет сомнения в активном участии иранцев в создании его субстратной топонимии. Филологи обнаружили массы заимствованных иранских слов в языках народов региона. Объяснение этого факта нельзя сводить только к торговым и культурным контактам.

При анализе структуры скифских онимов мною выделено 6 глосс. О глоссах *ac*, *ap* и *par* уже сообщалось [Мульдияров 2010: 134–135]. С тех пор удалось выделить еще две: *ана*, *ака* / *ага* и *ама*. Их фонетические варианты широко представлены в субстратной топонимии Чувашии (СТЧ) и всего региона. В восстановленных восточно-иранских (далее – скифских) онимах осетинской буквой *æ* обозначен краткий *a*, близкий к русскому безударному *a* и чувашскому *ă*. В чувашских онимах *ç* равен *š*, характерно озвончение согласных между гласными, между сонорными согласными и гласными; здесь русские варианты названия даны через знак /.

Săkăm < согд < *Æsægæt ‘саки’ – название древнего среднеазиатского народа согдов. В Чувашской Республике (ЧР) река Сăкăт – приток р. Уты. Гидроним, очевидно, оставлен савроматами, обитавшими в Среднем Поволжье, или скифскими лидерами пришлых енисейских племен [Мульдияров 2010а: 121–129]. Корнем онима *Săkăm* является глосса *asæ – название скифской фратрии. В ЧР 5 ойконимов, содержащих оним *Săkăm*.

Аскăл < *Æsækæl ‘аскул’ / ‘эсегел’, мн.ч. **Æs/k/æ/l/æ/tæ* ‘сколоты’. Это – «самоназвание» скифов Причерноморья и одного из «племен» волжских болгар. В СТЧ 20 онимов, образованных из фонетических вариантов глоссы *Æsæ – *Æšæ (Шаккул, Шăхаль) и *Æčæ (Чукал). В российских актах XVI–XIX вв. зафиксированы р-варианты онима *аскăл* – *Искар* и *Искарь*, *Аксар* и *Акшар*, *Акчер(ень)* и *Ачкер(ень)*, а также без суфф. *-k* – *Ачара* и *Ашар* [Не-